

Остров прощенных

Марина Алант

16+

Марина Алант
Остров прощенных

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алант М.

Остров прощенных / М. Алант — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-10880-6

Замужняя Мария избалована беззаботной жизнью. Отыгрываясь за свои подростковые лишения, она заводит роман с пятнадцатилетним Алексеем - диджеем, красавчиком и лидером в своем кругу. Мария словно возвращается в неудачное прошлое, чтобы его изменить. Ее чувства подстегивают риск вкушения запретного плода и азарт отношений на грани. Красиво, томно, невыносимо ведет она свою игру. Что будет потом? Она просто выкинет Алексея из своей жизни, как ненужную собачонку. Ведь в устройстве ее судьбы он лишний. Но грядет расплата за безобидную, как Марии казалось, игру.

ISBN 978-5-532-10880-6

© Алант М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

*Позвольте Вас, Читатель, удивить,
Позвольте Вас развлечь своим уменьем
Дерзать, литературно мастерить,
Подвергнув жанр пикантным измененьям!
По вкусу ль Вам новеллы острый нрав,
Сюжетный залп со шлейфом ощущений,
Пикетов чувственных забавная игра
И не присущих жанру рассуждений?
В старинном платье шествует любовь,
Шуриша подолом, по моим страницам.
И верной челядью за ней в ажуре слов
Парят в ливреях чувства вереницей.
Да здравствует взошедший на лоток
В ряды кричащей цветом книжной плоти
Романтики возвышенной глоток
Средь “трупов” и “гламура” в переплете!*

То, что по праву принадлежит юности, в зрелости выглядит как роковой соблазн. Но кто возьмется судить, что есть эти заблудшие чувства, уродство ли в судебнике морали или способность сердца на редкую любовь?

Пролог

Начало 2000-х.

Интервью, фотографии и даже видеосъемка давно готовы. Статья, можно сказать, у меня в кармане. Однако, вечно беспокойный главный редактор, любитель излишней подстраховки, отправил меня уточнять и без того совершенно ясные детали.

Я, скучающая от переизбытка благополучия и полного душевного штиля, жаждущая порой умственной, порой чувственной встряски, почти бескорыстно на одном энтузиазме начинающего журналиста принялась трудиться во благо своей газеты, искренне полагая, что в одиночку подниму ее рейтинг. В тот момент возникла идея создать целую страницу для молодежи, увлекательную и привлекательную в смысле покупки. И я с удовольствием и предвкушением хорошего результата от новаторства взяла эту ношу на себя. Поколесив по району, я удачно начала свою деятельность, сотворив несколько забавных вещиц. Когда встал вопрос об увлечениях подростков, моя подруга Рита – королева лучшего в районе “свежестроенного” дворца культуры – надоумила меня посетить ее владения, суля нечто интересное.

И вот вам первая история:

Девятилетний мальчик увлеченно занимался танцами в школьном кружке. Заметив в нем не только талант, но и фанатизм, директор школы поспособствовал его поездке в сочинский летний лагерь для одаренных детей. Там мальчика зачислили в танцевальную группу, где снова обратили на него внимание. Ему предложили остаться еще на одну смену (в счет я не выяснила кого), чтобы выступить перед высокой особой. А затем одаренного ребенка пригласили в Москву в ансамбль танца, который по сей день считается одним из самых известных детских коллективов. Мать обрадовалась успеху сына, и огорчилась тому, что долго не сможет его видеть, но в Москву отпустила. Там мальчишка жил у родственников, учился в школе и выступал вместе с коллективом на разных сценах. Три года крутилось колесо успеха. Мальчик мужал. Оборвалось все совершенно нелепо. В кульминационный момент танца он зашелся в сильном кашле, и приступ продолжался так долго, что танцора пришлось увести со сцены. Выяснилось, что у мальчика астма. Талантливого ребенка с сожалениями и извинениями отправили обратно к матери. Мальчик страшно переживал крушение своей мечты, плохо учился, не находил общего языка со сверстниками. Однако через год каким-то образом...

Обвожу глазами присутствующих, пытаюсь найти руководителя и, не обнаружив, осведомляюсь о таковом у самих ребят. Вперед выходит подросток (не старше остальных). Глаза большущие, коленки разбиты...

– Неужели сам ведешь кружок?

– Да, сам (Ребята поддакивают).

– Где ты научился танцевать брейк?

– Самостоятельно. Ко мне часто приезжают друзья из Москвы, увлеченно рассказывают о клубах любителей брейка (это разновидность московских дискотек). Своей страстью заразили и меня.

– Кто демонстрировал тебе движения танца? Московские друзья?

– Нет. Я внимательно просматривал все передачи, где хоть немного говорилось о брейке, и записывал сюжеты на видеокассету. Такие сюжеты длятся обычно не больше минуты, но я все же сумел создать свой собственный часовой видеоучебник, где имеются почти все основные движения танца.

– Сколько времени прошло, прежде чем ты понял, что достиг удовлетворительного результата?

– Полгода каждодневных тренировок.

– И что же дальше?

– А дальше я решил испытать свое мастерство на местной дискотеке.

– Ну и как, приняли на ура?

– Как раз наоборот. Не поняли. Посмеивались и дразнили. Но я не обиделся. Продолжал совершенствоваться и танцевать на дискотеке только брейк. Позже стали посматривать с интересом, кто-то с завистью. Подходили знакомые, просили научить элементарным движениям. Тогда я и решил организовать кружок стильного танца. Пусть модные течения доходят и сюда, и у ребят будет шанс проявить себя. В нашем кружке или, мне больше нравится, команде – десять человек: от тринадцати до семнадцати лет. Самый младший Максим. Ростом меньше всех, зато ученик способный.

– А взрослые поддержали твою затею?

– Морально – да. Но поначалу мы занимались прямо в холле дворца: не было свободных кабинетов. Привлекали немало посторонних взглядов. Правда, ребят это не смущало, занимались с удовольствием. Лишь спустя два месяца нам выделили комнату и даже дали автобус, на котором мы из города привезли фанеру. (Пол, действительно застлан большими листами фанеры).

– Для чего это нужно?

– Фанера гладкая, на ней легко скользить, ведь большинство движений выполняются на полу.

Мне не терпелось увидеть этот “фанерный” танец.

Зашипела магнитная лента в стареньком “двухкассетнике” на стуле в углу. Мальчишки друг за другом выходили на фанерную сцену. Скажу откровенно мое представление о брейкерах – дилетантах, сложившееся еще заочно, оказалось ошибочным. Я искренне аплодировала сложным акробатическим элементам, которые исполнялись с удивительной легкостью. Стойка на руках, ноги в это время “танцуют” в воздухе... Кувырок через голову с приземлением на одну руку... Трудно объяснимое словами “па”, в котором ноги сначала поворачиваются на 180 градусов, а потом возвращаются обратно... и еще много не поддающегося описанию. А маленький брейкер Максим продемонстрировал свое умение крутиться на голове без помощи рук (на голове шапочка). Я сделала кучу снимков (для газеты) и видеосъемку (для себя). Можно ли не восхититься, когда обладателями недюжинной жизненной энергии и настойчивости оказываются дети?

– Видели ли твои родители, как ты танцуешь брейк?

– Мама видела, приходила на концерт.

– И каково ее впечатление?

– Прыгать от радости точно не станет, она у меня строгая. Аплодировала тоже сдержанно. Я по глазам понял, что мама довольна. Вообще-то, ей синяки не нравятся.

– Точно, синяки и я видела, мелькали у ребят под майками.

– Когда учишься, падать часто приходится. Порой несколько раз на одно и то же место. Да ладно, мы боли не чувствуем, привыкли.

Конечно, мальчишки ведь.

– Если бы тебе разрешили вести платные занятия, сколько бы денег ты брал с ребят?

Задаю вопросец каверзный, а сама знаю ответ наперед. Его нельзя не знать, если перед тобой большущие искренние глаза.

– Какие деньги? Зачем? – мальчишка забавно смущается.

– Как вознаграждение за труд.

– Мне платят за то, что я веду дискотеку. А брейк – просто увлечение.

– А сам на дискотеках танцуешь?

– Теперь нет. У диск-жокеев времени на танцы не остается.

Читатель, конечно, понял, что это и есть то самое интервью для молодежной страницы, а руководитель команды стильного танца (он сам так просит называть его кружок) – наш с вами

одаренный мальчишка. Он и станет моим дальнейшим героем, которого я, коварная, в скором времени... Но пока об этом не знает ни он, ни я, ни сюжет этой книги.

Глава 1

Любопытные, беззастенчиво влезающие во все и вся детские взгляды облепили мой автомобиль, а потом и меня. Я шла сквозь группу подмерзших подростков, топтавшихся у запертых дверей. Они довольно участливо наблюдают, как я сражаюсь с дверью, советуют стучать, так или этак и лучше каблуками.

Вы когда-нибудь ловили себя на мысли, что ваше отношение к детям больше напоминает отношение к забавным, но все же иногда опасно неразумным зверькам, нежели к полноценным людям? Вот и передо мной трепетала от холода, грела ладошки-лапки и бездумно острила стайка плюшевых зверушек.

Наконец, мне открыли. Я окунулась в тепло, а зверьки остались на холоде. Необычно было видеть огромные пустоты незаполненными и слышать звенящие отголоски собственных шагов. Странно, отчего так тихо и безлюдно, отчего закрыты двери, и теплое фойе не поглощает продрогших зверьков.

Первые, кто попался на моем пути, были те, по чью душу я, собственно говоря, прикатила “уточнить”. Две зверушки мужского пола, переходящие от возложенной на них какой-то ответственности (поэтому послушные) в стадию существ очеловеченных, приветливо заулыбались. Тот, который Алешка (знакомьтесь, это наш с вами даровитый танцор), немедленно, с каким-то выпирающим весельем осведомляется:

– Вы опять хотите написать о нас?

Алешкина энергия сочтется если не через шалость, то через озорные реплики. Я не отвечаю, а задаю работу его мозгу (я за этим приехала). Алешка задумывается, силится придумать что-нибудь такое экстраинтересное, что сразу обескуражит меня, но не успевает. Второй зверек по имени Юрка ныряет в кабинет, откуда доносятся приятные столовые запахи, выныривает (сообщил обо мне) и зовет внутрь. Вот тебе раз, я ненарочно попала на чей-то юбилей. Смутиться по такому случаю или нет? И тут:

– Мария Игоревна! – хором чрезвычайно веселых голосов.

Мне наливают вина в несколько бокалов сразу (ах жаль, я за рулем), несколько рук двигают ко мне неприхотливую закуску. Как обидеть веселую компанию? У подвыпивших другие взгляды (куда шире трезвых), другой мир, там трезвый неуместен. И раз моя Рита здесь, я тоже останусь.

Я делаю несколько глотков. Подсказывают плюшевые зверьки, проявляют заботу: размазывают с нежной бесцеремонностью мой шарф, принимают совсем по-мужски шубу и все куда-то уносят подальше от меня. Я помню их постоянные мелькания возле меня. Делаю вид, что не замечаю их шутивную ссору за право сидеть рядом со мной, но счастливо купаюсь в их внимании. Детей разочаровывать противопоказано. Они все идеализируют, ко всему относятся с максимализмом. Подпорченный идеал тут же рушится. Я в милости и этим дорожу.

Для остальных дворец закрыт. Юрка – сын директрисы, а причина Алешкиной привилегии – должность диск-жокея. Сегодня он бог. Рита расхваливает Алешку передо мной, записывая на его счет инициативность, безотказность, помощь в подготовке костюмов и декораций. Удивительное сочетание самозабвенной готовности помочь и какой-то смелой дерзкой неподатливости. Рита купает слова похвалы в хмельном комфорте, глаза ее туманятся. Почему так приятно от ее слов, точно похвала предназначается мне? И вскоре понимаю: Алешка мне симпатичен. Поначалу думала – выскочка, хочет всеобщее внимание обратить в свою сторону. Однако скоро привыкаю к его манере говорить смело, несколько самоуверенно, но без каких-либо оттенков снобизма. Он видит мир открытыми глазами, а не прищуренными с целью завуалировать невыгодные моменты реальности. Смело утверждает – плохо, если считает, что плохо

и не приспособливает собственное мнение к нужному результату. В этом возможно чуть резок, прямолинеен, но вдруг дружелюбен и бескорыстен в другом. Он как-то мгновенно чувствует, что от него хотят, даже если его об этом еще не попросили. Я увидела его именно таким, хотя уверена, что ему свойственны также капризы, шалости и ошибки, допустимые в таком возрасте. Сейчас он ведет себя вполне по-мужски, с удовольствием принимая данную обязанность, а, в сущности, он ребенок. И это нормально, даже мило.

Я радовалась, что попала сюда именно сегодня вечером. Мне было чудесно. И не столько в обществе взрослых, сколько рядом с мальчишками. Такое я испытывала впервые. Человечные зверьки ютились возле меня, ухаживали, подражая взрослым мужчинам, и я растворялась в теплых флюидах, исходящих от них. Это сейчас я все заново прокручиваю, анализирую. А тогда мне было просто хорошо, и я, не нуждаясь в отчетливом понимании причины своего “хорошо”, разумеется, ее не выискивала.

Они оба приятные мальчишки, проросшие в обществе на стороне окультуренной человеческой природы (а не сорняков). Но Алешка влияет на меня как горячее солнце, прорвавшееся сквозь слабеющее ненастье. Даже самая неустанная любвеищущая женщина не увидела бы в предмете моего будущего обожания ничегошеньки такого, что могло бы ее привлечь, разве только одна из тысячи. Нечто странное, закрытое для других, выходящее за электрические рамки морали, связало нас незримой нитью, тонкой как паутиновая, словно не отнимая шанса ее разорвать.

Мне тридцать, но всякий, кто слышит об этом, испытывает что-то, похожее на слабый шок, так как выгляжу я ровно на десять лет моложе. Некоторое отставание в физическом развитии в юности казалось мне непоправимой трагедией. Невысокий рост, отсутствие «примечательностей», красящих женский род, делали меня изгоем в обществе сверстников. То, что когда-то заставляло меня испытывать одиночество и орошать слезами душную подушку, теперь магическим образом продлевало мне юность.

Ухожу их мира моих воспоминаний и размышлений и опускаюсь в недра, откуда берут они свое начало – в реальность.

В огромном пустынном зале вспыхнула музыка. Женщины шумно взметнулись над столом, рассыпались по залу. Люблю народ в этом поселке. Люди значительно добрей и простодушней городских, без опаски открыты незнакомым.

Как я и ожидала, Риточка моя завелась подобно механической игрушке и, воспользовавшись относительным затишьем, залепетала в трубку сотового что-то вежливо-кокетливое, устраивая, видимо, продолжение вечера в каком-нибудь ресторанчике. Я пропускаю приглашение составить ей компанию мимо ушей: мое чувство ожидания предстоящей радости проигнорировало мысль о дальнейшем отдыхе в зланных местах. Оно переместилось все без остатка на дверь. И тут же под его напором дверь распахнулась и явила Алешку, свежего и светлого.

– А я пришел вас звать к нам. Мария Игоревна, Маргарита Андреевна, пойдёмте танцевать!

Получилось очень просто, однако, я отчетливо уловила в его зове хорошо скрываемое волнительное чувство. Словно по незримой тоненькой трубочке оно перекочевало в мое сердце. Пока я впитывала это сладкое тепло, мальчишка скользнул на соседний стул, и его глаза буквально впились в мои.

– Пойдёмте? – голосок уже не бойкий, а чуть дрожащий, как утренняя роса.

– Конечно, – вторю ему точно эхо.

Я импульсивна, сумасбродна и больше склонна к ребячеству, чем к поведению зрелой женщины. Одежду ношу соответствующую своему характеру и юношескому виду. Может быть поэтому Алешка легко принял меня в свои “ряды”.

Ангелочек-умница одинаково хорошо отплясывал под любую мелодию, даже должную быть ему неинтересной. Я слишком разборчиво и ревностно отношусь к музыке, и подстра-

ивать собственное настроение под нелюбимую не умею. Поэтому я быстро сдалась и ушла к столу. Женщины, начиная с самых старших (они успели устать) последовали за мной. В ход пошло шампанское (я участие не приняла). Со стыдливостью размышляю: как можно обжечь себя спиртным, если дыхание Алешки по-ангельски свежо. Почему-то я уже тогда подсознательно знала или чувствовала, что наши жизненные прямые бесшумно, но очень быстро несутся друг к другу. И пересекутся совсем скоро. Но клянусь вам, я не отдавала себе в этом отчета и тем более не делала выводов. Я просто ожидала, (возможно, не головой, а сердцем) что мы станем ближе. И что бы мы ни делали, это все равно произойдет, точно мы на магнитном прицеле. Вот великая нелепость! Я без всякого сожаления отвергала столько мужчин (отыгрывалась за юность), не испытывая в них недостатка. А тут купилась на молочный запах тела и детскую грацию. Я хотела лишь насладиться этим тайком от него, а затем отступить из его мира в свой мир.

Как я жду этого момента и как стыжусь своего желания! Я чувствую себя старой паучиной, только не кровожадной, а стыдливой...

Ангелочки остаются в зале одни, развлекают себя любимой музыкой. А я жду, я не признаюсь себе, стараюсь не признаться, но полна ожидания. И он приходит. За мной. Вежливо, несколько застенчиво зовет танцевать. Я забываю про застолье, про женщин, всех вместе взятых и каждую в отдельности. И даже когда время от времени кто-то из них выходит из душевного кабинета в зал, я думаю об одном: только бы не мешали. И никто не мешает. Мы танцуем втроем в гармоничном уюте. Юрка бегаёт вверх по лестнице менять диски и оттуда сверху, похожий в наушниках на чебурашку, машет нам рукой. Он добровольно берет Алешкину ответственность на себя, и меня устраивает, что он что-то понимает.

Боже как трудно оторвать взгляд от мальчика, танцующего передо мной! Маленькое бесхитростное божество! Как он хорош! Как хорош тем, что не осознает, как он хорош! Должно быть, он имеет статус лидера среди сверстников. Когда-то я, маленькая, несчастная, никому не интересная замирала и покрывалась паутинкой мурашек, наблюдая откуда-нибудь из укромного места в танцзале, как танцуют мальчишки – всеобщие любимцы. Я боготворила их завоеванное (так я считала) лидерство. Их высокий статус казался мне не постижимым, почти фантастическим явлением. Все они были высокомерны, горды собой, выставляли на показ собственное «я», точно ценник. В свой круг принимали только “достойных”, в их числе меня не было... Теперь я танцую рядом с таким лидером, облаченная в его внимание.

Я ловлю себя на мысли, что почти люблю эти умелые ножки и эту милую угловатую фигурку, пластичную и ловкую, когда положено быть пластичной и ловкой. От него уже исходит обаяние мужчины, и детское тело по воле природы стремится к прекрасным мужественным формам. Я стараюсь перед ним, как ученица. Он старается тоже, хотя эффектен без дополнительных усилий.

Спускается Чебурашка с небес. Ему с нами веселей. А я, раскрасневшаяся и коварная, шепчу ему одно слово: “медленный”. Он кивает и вновь устремляется ввысь. Откуда уже не возвращается. Просто он все понимает, и я удивлена и восхищена этим “просто”. Итак, я первая делаю шаг. Со стороны это будет выглядеть шуточной игрой, а я получу возможность подержать мечту за ладошку.

Он охотно с каким-то облегчением скользит в мои объятия. Вот первый шаг в мир новых ощущений. Предполагаете, говорю о нем? Ах, нет, о вашей покорной... Не стану размышлять, что чувствовал мой ангел: результат получится, скорее всего, предвзятым. А я в эту минуту держала в ладонях хрупкую драгоценность. Соприкасались только наши руки, изредка – колени, но тела (примерно одного веса) оставались у черты дозволенного. Мы вдохновенно молчали, как молчат тринадцатилетние дети, танцующие первый в жизни парный танец. В те мгновенья слова прозвучали бы кощунственно и нелепо, как икота при поцелуе. Я улетела в прошлое, отдалась во власть своей и его юношеской романтики, как отдаешься среди холода

пустынных комнат уюту теплого одеяла. Я не была собой сегодняшней. Я стала девочкой из прошлого, только нужной и счастливой.

Иногда проскальзывала в мой уют старая паучиха, но, не отразившись в дымковой глубине его глаз, улетучивалась восвояси.

Я улавливала трепет тела моего ангела, его ладони испускали импульсы беспредельной нежности. Он сводил меня с ума и, наверное, сам не догадывался об этом. Знаю, искал во мне, жаждал пусть слабого намека на взаимность. Но вольна ли я отпирать чужую дверь ключом, найденным мною случайно?

Композиции в темпе *andante* включаются уже с заметной частотой. Сколько мы вместе, полчаса, час? В какой-то момент замечаю, что директриса внимательно смотрит на нас, никуда не идет, ниоткуда не возвращается, просто стоит и наблюдает. Я хрупкая, худенькая. Я легко вписываюсь в круг ее мальчиков... Может она разглядела у меня мохнатые паучихины лапы? Я думаю, пора отступать. И вдруг Алешка сжимает мои пальцы. Чувствует, что сейчас оторвусь от него.

Я возвращаюсь к компании и, конечно, он со мной. И Юрка тоже рядом и почему-то в моем белом шарфе. Пить, и есть уже нечего, но я сыта и пьяна сама по себе. Юрка умыкнул где-то рюмку с горькой жидкостью, и мы с Ритой начинаем сражаться за его трезвость.

– Мне уже шестнадцать! – он увертывается, оглядывается, боясь оказаться в поле зрения матери.

Я ближе к нему, чем Рита. Тянусь через колени моего ангела и выхватываю злополучный сосуд из детских рук. И тут милый мой негодник обвивает мои руки своими. Я у него в сладком плену. В плену мужчины... Он хочет игры? Я тоже. Наклоняюсь над его обнаженными по локоть руками и сладострастно впиваюсь зубами в бронзовую кожу, смакуя ее бархатный вкус кончиком языка.

– Можете кусать меня или царапать, я это выдержу, – звучит твердо, но ласково прямо над моей макушкой.

С трудом отстраняюсь от влекущего плода. Алешка неохотно разжимает пальцы.

– Пойдемте танцевать, Мария (и чуть позже) Игоревна.

Я замечаю, что нас многие слушают.

– Ты не даешь мне отдохнуть. Я ведь старше тебя, (и чуть тише) Алешенька.

– Ну и что же? Пусть вам двадцать или двадцать с хвостиком. Это неважно.

И берет за руку. Прав был тот, кто первым заметил, что нет нежнее нежности, чем прикосновение рук. Я точно привязанная плыву за его фигуркой, и мне становится не по себе от сердитых (или мне так только казалось) глаз директрисы.

Спасение приходит. Прямо за дверью появляется Юлька – бывшая одноклассница. Мы обнимаемся, лопочем что-то вежливое и страстное. Я, спасая себя и дразня, уединяюсь с ней в комнате для курящих. Мы долго в ней пропадем, сидим на прохладных батареях. Она много жалуется на свою несложившуюся личную жизнь, потом переключается на жизнь брата, поделив со мной радостную новость: он на днях пришел из армии и сейчас здесь, и хорошо бы его познакомить с девушкой, и хорошо бы – с хорошей. Юлька смотрит на меня нежным взглядом. Потом перемещает его на мои золотые серьги и браслеты с мелкими искрами бриллиантов.

– Знаешь, что? – вскакивает с места. – Пожалуй, я вас познакомлю. Он будет без ума от тебя.

Она тянет меня за руку, ее глаза горят. Но я вырываюсь. Нет, я не хочу никого другого. Я уже соскучилась по Алешке. Юлька уносит свой нежный взгляд с собой и присматривается к Рите.

Глава 2

Зал уже не узнать. Каким-то образом просочилась поселковая молодежь. И продолжала прибывать, явно чувствуя себя по-хозяйски. Через двадцать минут моего времяпровождения за распотрошенным столом я соскучилась еще больше. Вышла из кабинета в зал, полный молодежи. Растерянно осмотрелась вокруг. Я увидела ЕГО сразу и невольно опустила глаза, будто не заметила. Но тут же мой непослушный взгляд метнулся в нужнужную сторону снова. ОН был рядом, в центре живого круга. На его плече доверчиво и уютно покоилась модно стриженная голова. Обладательница головы была в длинном расстегнутом пальто, и этот факт меня дорасстроил: я видела, как Алешка с важным видом хозяина отправлял одетых в раздевалку и лишь избранных награждал привилегией оставаться в верхней одежде. Я вдруг почувствовала себя нелепой и одинокой, словно девочка со всеми ее комплексами, неуверенная и не любившая себя вынырнула из прошлого. Чего же я хотела? Все правильно. Значит, кто-то кроме меня знает, как он хорош.

Я увидела перегнувшегося через перила Юрку. Он махал руками в мою сторону, будто кого-то звал. Я не сразу поняла, кого именно, но на всякий случай пожалала плечами. Он исчез и появился снова, но уже передо мной, точно сказочный Сивка-Бурка. Взял за руку и увлек меня в небесное обиталище. Диски, кассеты, наушники – все было у моих ног!

Сверху хорошо можно было разглядеть юных обитателей вечернего дворца, утопающих в огнях и звездной пыли. И хотя кровь в моем теле разгорелась, как у лыжницы, спешащей к финишу первой или (точнее) как у Евы, алчущей запретный плод, Алешку в толпе искать я не стала. Пусть сам найдет меня, если захочет. Ни одного шага в омут страсти! А сама, как только я умею это делать, неосознанно по-детски надула губы...

Юлька бродила внизу у стен, словно кого-то искала. Я смутно предположила, не меня ли, и отодвинула свое кресло подальше от края. В наушниках звучала музыка только для меня. Я закрыла глаза и предалась грусти, пока Юрка не цокнул коготком в левый наушник и не показал вниз. Там меня ждала одетая Рита и моя шуба в ее руках. Я поплелась вниз, совсем не паучихоподобная, а драматично печальная, потому что поняла, что подруга распорядилась с отъездом. Правда, не домой, но это не имело никакого значения. В кабинете я медленно натягивала рукава, тщательно застегивала пуговицы. Шарфа не было... Рита не поняла бы моего желания остаться здесь. Коллективное веселье закончилось, все было съедено, а столы убраны. К тому же я здесь – всего лишь случайный гость. А моей подруге хотелось сегодня приятно провести вечер, вернее довести до приятного результата.

В последний момент, когда я почти переступала порог, дверь вдруг сама распахнулась, впуская музыкальную волну, и передо мной предстал мой волнующий ангел.

Мы буквально сталкиваемся друг с другом и замираем, и время замирает вместе с нами. Вокруг нас исчезает суета, голоса и музыка. Остается только наше одно на двоих биополе с противоположным внешнему миру зарядом. ЕГО губы чуть вздрагивают оттого, что он видит меня одетой. Но он полон решимости. Я вижу, слышу и впитываю только его.

– Я обижен на вас. Мария Игоревна, – шепчет горячо и страстно.

– Почему, что я сделала не так? – вопрошаю ему созвучно.

– Вы обещали потанцевать со мной, а сами уходите.

– Что-то я не припомню своего обещания, Алешенька.

Опускает свои кукольные ресницы, которые тоже, наверняка, не знают, какие они чудесные.

– Обещали...

– Так меня никто не приглашает.

– Я приглашаю вас!

Рита, поняв, что я ускользаю из-под ее контроля, позволяет себе какие-то, видимо, приемлемые в культурном заведении ругательства. Но я не слышу ее. Скидываю с плеч шубу прямо ей в руки.

Алешка с видом победителя гордо ведет меня за ладошку в сверкающий звездный мир, где время поворачивается вспять. И я вхожу в него, извлекаемая из темного угла, из несправедливого моего заточения, юная как бутон, готовый раскрыться на встречу утру. Я вижу сверстников моих, которые волнуются, глядя на нас, и потом затихают. И даже те, которые не приняли меня в свою стаю, отвергли, обрекая на нестерпимое одиночество, расступаются перед нами, окатывая удивленными жадными взглядами. Его личико склоняется к моему, и я вижу, как горят его глаза, как отражаются в них мои – счастливые и чистые.

– Это ваша любимая...

Я обвиваю его хрупкие плечи и чувствую, какая демоническая сила растекается сквозь его пальцы на мою податливую талию. Ангел-демон сжимает меня осторожно, но настойчиво, заставляя дрожать, наполняться страстью и вулканической нежностью. Я охотно определяю, как слаба, изящна и тонка рядом с ним. Восемь синхронных шагов, восемь мгновений чувства. Он отпускает меня, но не дает выпорхнуть в пространство, ловит за правую ладонь и ловко разворачивает меня, почти не весомую, к себе спиной. Его рука на моем пульсирующем животе. Еще восемь синхронных шагов... Восемь ощущений... Снова разворот, и мы жадно стремимся окунуться в тепло друг друга. Ни один взрослый мужчина не подарил мне такого изящного танца! Божественный танцор сдается первым и дарит пылающим щекам волнующее прикосновение. Я с блаженством отвечаю тем же. Я лишь делаю то, что он хочет. Мы безобидно ласкаемся точно котята, мы разжигаем опасное пламя чувств! Как он может не знать, что, танцуя как бог, искушает, искушает, искушает?!

Его ресницы опущены. Я понимаю, наконец, что он не решается смотреть мне в глаза. О, мой застенчивый искуситель! Я касаюсь пальцами его подбородка, я выпрашиваю лишь глоток его дымки. И тогда он долго безотрывно смотрит на меня, пока от волнения я не роняю взгляда.

Вдруг замечаем, что вокруг нас не танцуют, а молча стоят, почему-то с выражением скорби. Высокая девочка с модной стрижкой поджимает дрожащие губы. Глаза блестят от росинки обиды (маленькая дерзкая соперница). Ее участливо держит под локоть другая высокая девочка с огромными кольцами в ушах и ненавистным взглядом обшаривает меня с головы до ног. Алешка тоже видит их, но невидящим взором.

Раз! Он отпускает меня, отпускает совсем, мои ладони соскальзывают с его плеч. Я остаюсь навливаясь, теряясь, но он вновь устремляется ко мне. Вскоре понимаю, чего хочет танцующий ангел: наши руки опущены вдоль тела, но нас цепко держит общее биополе. Это танец дразнящих неприкосновений. Наконец, он ловит мои пальцы и крепко сжимает. Его глаза говорят спасибо.

Кто-то грубо отрывает меня от него, и я, словно очнувшись от забытья, вижу перед собой Юльку. Она волочит меня через весь зал и буквально бросает в объятия незнакомого молодого детины. Я быстро соображаю, кто передо мной, говорю несколько вежливых слов скромному Юлькиному брату и отстраняюсь. Тотчас угождаю в объятия Риты, которая с видом, не допускающим возражений, запихивает меня в мою шубу, вкладывает мне в руку сумочку и тянет к выходу. Я успеваю заметить, как Алешка мчится наверх, затем через владения Чебурашки, и ныряет в темный лестничный закуток. Я его не вижу. У самого выхода он неожиданно вырастает передо мной, разгоряченный и невозможно родной.

– Я уезжаю, – жалуясь ему.

– До свидания.

– Пока...

– Пока...

И неожиданно для себя притягиваю его за плечи и целую в самый краешек губ.

Колеса уносят меня в пустынный вечер. Не в силах сдержать в себе чувственный сгусток, я рассыпаю сокровенное перед подругой. И были ее упреки и мои жалобы. И был факт, оказавший меня волной стыда:

– Маша, ему только пятнадцать!

Я думала, что проснусь и все забуду. Просыпаюсь и первое, что воссоздает мой мозг – ЕГО глаза. Через все мое тело, вернее через четыре точки – глаза, сердце, живот и чувствительную низинку – скользит щекочущий ток. Все просто, думаю я, он задел нетронутые чувственные нити, заполнил пропуск, образовавшийся когда-то в моей подростковой жизни. Он вернул меня в прошлое, как в прокрученной назад киноленте. Теперь я лежу и думаю о нем, наэлектризованная его запахом, цветом глаз и прикосновениями. Рядом смятая подушка мужа. Он на работе. И хотя на нашем многолетнем ложе я думаю о другом, намек на измену нет. Треугольник не вычерчивается. Мы с Алешкой и моими внезапными чувствами словно существуем в моей подростковой жизни. Это всего лишь игра в исполнение фантазий юности. Только там я с ним, в этой жизни – без него. Меня это убеждает и оправдывает передо мной же. Я позволяю себе отдаться во власть проросших чувств, и они, посторонив рассуждения, выходят на сцену и, утопая в огнях, начинают играть на шекспировский лад. Мои ресницы дрожат от ярко воспродуцированных в памяти картинок многолетней давности.

Имеет ли такое начало право на продолжение? Нет, гражданочка-растлитель, никоим образом.

А если ребенок влюбится, как влюбляются ученицы в молоденьких преподавателей? В их возрасте и страсть, и страдания от неразделенной и сконфуженной нотациями любви – максимальны.

Вот возьму и разрушу общепринятый метод одергивания маленьких Ромео и Джульетт, подарю человеку смелое счастье, не стану обрекать на первый опыт несчастной, высмеянной любви, которая вполне способна в будущем отозваться противоестественно. Что же это за мораль, которая угнетает души? И, едва зацепившись за оправдание, я решаю: позовет – приду.

Вскоре вспоминаю о нем уже с приятной легкостью, почти не испытывая электрического, подогретого запретами чувства. Вливаюсь в прежнее русло, возвращаюсь в состояние тридцатилетней женщины-девочки (иначе меня не назовешь), с благодарностью вспоминая вкус глотка юности.

И вдруг – первый сигнал. Желание или каприз? Карауля и беспрестанно “терроризируя” вопросами мою Риту, он то вкрадчиво осведомляется о следующем моем визите, то почти требует его. О, мой чистейший ангел, мой требующий свое маленький мужчина! Я подчинюсь твоей природе, утолю твою первую жажду любви!

На рождество Рита приехала в свой “замок” первой. Расстегиваясь на ходу, извинялась за опоздание и скользила оценивающим взглядом по краскам декораций. Алешка с кислой физиономией вплыл без стука в ее кабинет.

– Вы одна? – разочарованию не было предела.

– А кто тебе нужен?

Он рассердился на ее недогадливость. Но она все понимала и знала. Она возилась с застегками на туфлях. Алешка постоял над ней молчаливой тенью полминуты и спросил уже тверже.

– Так вы одна?

– Одна.

– Лучше бы не приезжали!

– Ну, знаешь!

Он был уже за дверью. Позже она нашла его и вручила видеокамеру (память о предстоящем концерте).

Тут я и явилась. Веселая, с мороза. На него не гляжу, чуть рая невниманием. Но радость лицезреть меня реальной покрывает все его обиды. Он долго стоит неподалеку незамеченный (замеченный один из всех), потом уходит. Я целенаправленно поднимаюсь наверх, в “логово Чебурашки”. Знаю, мой ангел там. Он не видит меня. Поглощен примеркой к объективу всех возможных видов сверху. У кого-то просит пить и перехватывает стакан с водой. Умиленная и все еще незамеченная (так мне кажется) напрямик направляюсь в хозкомнатушку и радуюсь почти полному горячему чайнику и баночке с кофе. Как богиня лучась, подношу ему сотворенный с любовью напиток. Еще издали меня увидев, маленький ангел бесстыдно превращается в маленького монстра.

– Это мне? – звучит нагло, с какой-то дерзкой уверенностью.

Пьет прямо из моих рук – играет. Тут же убегает на свое место: действие внизу начинается. Я тайком тянусь губами к краешку горячего стакана, и не видит никто, как я касаюсь ЕГО призрачного следа...

Целый час наблюдаю за ним, рассматриваю исподтишка его фигурку, губы, сощуренный для удобства съемки глаз. Напрасно надеюсь, что моего пытливого взгляда не замечают. Чуть задумаюсь или вникну в происходящее подо мной зрелище, как объектив скользит в мою сторону. Поймав блеск линзы, я почему-то опускаю глаза.

– Всем счастливого Рождества! – возвещает Рита. – А сейчас дискотека!

Алешка подходит близко, близко. Склоняется над аппаратным столом, обзаводится делами, словно случайно время от времени касаясь меня. Мы маленькая странная семья. Семья из двух человек, где ОН деловито над чем-то корпит, а ОНА там, где должна быть – рядом с ним. Я осознаю, почти ощущая, в какой уют погружена сейчас его душа. Игриво вопрошаю стаканчик кофе. Мой ангел несет в тонких пальчиках, расшитых царапинами, горячий напиток. Отдает мне свою заботу.

В нашу обитель заглядывает Рита. Она подгоняет меня к отъезду. Ангелочек молчит, поглощенный музыкой, но на самом деле поглощенный нашим разговором.

– Я иду собираться, – говорит умная Рита, – ты тоже не задерживайся. Минут через десять я прогрею машину.

Да, я забыла сказать (правда, не слишком существенная деталь). Сюда меня сегодня доставили (Дорогой, ты не мог бы по пути меня забросить... Большой концерт... Рита была бы рада...).

Только подруга исчезает, ангел усердно начинает уговаривать меня остаться с ним. Я объясняю, как можно ласковей, испытывая сожаление оттого, что не могу выполнить его просьбу. Объясняю, что должна сейчас уехать. Он все понимает, но не желает сдаваться:

– Ну что же, езжайте. Я вас не держу.

Он меня не держит...

Не держит в крепких объятиях, но держит своим биополем. Я придвигаюсь к нему совсем близко. Мне приятно до слабости слегка касаться его уха губами, и я шепчу:

– Ты не мог бы для меня записать на аудиокассету все, что любишь слушать сам? Я тоже хочу слушать твою музыку. А с моей стороны обещаю тебе сюрприз.

– А какой? (о, милая наивность)

Я интригую:

– Прямоугольный, лакированный и красивый. Но главный сюрприз – у сюрприза внутри.

Он пару секунд размышляет над решением приятной задачи, но уже на третьей спохватывается:

– А может быть, все-таки останетесь?

Но я уже ухожу, а точнее преодолеваю притяжение.

Спускаюсь по ступеням, пребывая в сладких думах. Удивляюсь той разнице, вдруг обнаруженной мной, между дворцом до Алешки и дворцом, в котором Алешка есть. Вернее,

Алешка там был и раньше, просто в моем субъективном восприятии его образ отсутствовал. А потом какой-то момент необъятной реальности две живые линии пересеклись. Это понятно и странно одновременно.

Одевшись, я еще раз вхожу в зал, чтобы отсюда, снизу, взглянуть на заполнивший собой большую часть материального пространства образ. (Затягивает в философию...)

Мальчик меня не видит. Он занят тем, что просто по-детски играет. Уворачиваясь от летящих в него бумажных комочков, вылепленных из обрывков газеты и слюны, обороняется тем же способом. Меня рядом нет, и мужское начало откатывает назад, уступая место границе с ним детству.

Я – скорее, разумный человек, нежели бесконтрольно чувственный. Но почему-то во сне мои чувства и фантазии, посторонив разум, предаются куда большей свободе, чем наяву. Знаю, что никто не проникнет в мой накрепко закрытый веками мир и даю волю всему, что в реальности регулирую с большой ответственностью. Почему? Почему мы жадно хватаем у сна то, что запрещаем себе наяву? Может быть, это недоработка природы в сложном механизме мозговой деятельности, несостыковка между разумом и чувствами, отсутствие звена в цепи, как во внезапно оборвавшейся системе Дарвина? (Затягивает в философию...) Почему в животном мире все расписано инстинктом, а человек обременен вечным выбором? Хотя, вероятно, этот выбор – не наказание, а дар. Возможность жить с лучшим или приемлемым.

У меня есть еще несколько шагов до разветвления дороги. Я просто буду ждать и наблюдать со стороны наше случившееся таинство. Я стану необходимым ответом в жаждущих заполнения клеточках его ребуса. Я стану прохладным утолителем его прорастающей страсти. Я стану исполнителем его счастья. Следовать за его желаниями и никогда не опережать их – это и будет лучший выбор.

По субботам и средам я звоню Рите. По пятницам и вторникам она в своем “замке” и почти всегда видит моего мальчишку. Она приносит мне от него капельку солнца и протискивает в телефонную трубку. А однажды мне перепало нечто большее: аудиокассета, впитавшая музыку ангела. Я полминуты смотрю на нее и пытаюсь представить, как он держал ее в своих ребячьих поцарапанных пальчиках, как она лежала на его столе среди аппаратуры, особенная, выбранная из прочих.

От этого я испытываю легкое возбуждение.

Запись не очень качественная: собрана с разных носителей, но (ах, конечно же, нет) не отдает небрежностью. Она напоминает старательный почерк школьника. Ритм настойчив, много электронного тембра, но мелодия притягивающе красива. Сквозь упоительную пелену звуков я вижу, как он бережно отбирает для меня лучшее. Я откидываюсь в автомобильном кресле, и вид за окном становится музыкальной картиной: легкий дымчатый сумрак под красными языками заката, предвещающего кристальный холод; блестящая дорога, *подстать мечтам дразнящая своим продолжением*; застывший жемчужный фейерверк на покоровшихся сну деревьях. Я свободно вздыхаю. Счастье. Хрипловатая от эмоционального излияния музыка немного удивляет дорожую, знающую себе цену магнитола и мою новенькую, сверкающую перламутром машину. Но эта музыка – самая лучшая в моем салоне и самая желанная в моем сердце.

В ответ ЕМУ отправляется видеокассета с фильмом, тщательно и с любовью отобранная из прочих. Внутри футляра я вкладываю записку: “Алеше за хороший вкус”. А потом заставляю Риту дословно вспоминать его реплику восхищения, и она смеется и сердится одновременно на мою тактическую прилипчивость корреспондента.

Глава 3

Нет, я не думаю постоянно о предмете моих симпатий. Я спокойно живу своей жизнью, маленькой дочкой, и делю эту жизнь с самым надежным и нужным человеком – моим мужем. Но Алешкин образ не выветривается и не ослабевает в моей памяти. Я ношу его с собой, как носят талисман. Что плохого в том, что у тебя есть еще кто-то? Кто-то, кто вносит в твою жизнь сладковатый привкус нового нектара, и кровь будто смешивается с капельками этой чудесной влаги. И цвета жизни при этом словно становятся ярче, как на экране нового телевизора.

С Алешкой мы не виделись уже около месяца. Но все это время он не переставал осведомляться у Риты обо мне, а я о нем. Наконец, Алешка начинает сердиться на то, что я слишком долго не появляюсь, и на то, почему в жизни не может быть простым то, что просто. Сегодня ангел надеется на встречу со мной чуть больше обычного. Разве самодеятельный концерт не служит железным поводом для этого? Этот самый повод плюс самую каплю моего желания – почему бы нам не увидеться.

Моего кукольного мужчину мы находим в концертном зале. Он в окружении девочек – сверстниц. Причем беседа у них что ни на есть самая милая. Помешаю ли я или обрадую? Он оборачивается, но выражение его лица я уловить не стараюсь. Куда-то не к нему, а в пространство летит мой тихий и застенчивый (девочка какая!) привет. То ли с прохладной гордостью, то ли все с той же застенчивостью присаживаюсь в кресло на передних рядах. Не успеваю вдохнуть и выдохнуть, как теплая, сводящая с ума тень скользит за моей спиной. И я слышу озорное и нежное:

– Здравствуйте, Мария Игоревна, почему вы так долго не приезжали?

– А ты хотел этого?

– Очень.

– И звал меня?

– Я могу звать вас хоть каждый день.

– Значит, я приехала, потому что ты этого хотел. И что же мы будем делать дальше (заигрываю)?

Вот испорченное существо. Что я говорю? Алешка заметно теряется и даже, по не понятной мне причине, обижается:

– Я могу сейчас пойти домой и лечь спать, если вы не хотите со мной общаться.

Действительно. Он пока не созрел до твоего глупого кокетства!

– Не уходи, я всего лишь пошутила.

Веселость возвращается на его личико.

– А что это за девочки? Твои подруги?

Бусинки ревности повисают на наточке моего голоса.

– Нет, просто у них мой журнал. Хотите посмотреть? Я сейчас! Он куда-то нырнул, снова вынырнул и оказался опять рядом.

– Это журнал для мужчин. Мне нравится, а вам?

Листаю и только что краской не заливаюсь: “30 сексуальных штучек, которые должен знать настоящий мужчина” или “кое-что о порнобизнесе” и десятки фотографий обнаженных женщин, правда, вполне эстетичных.

– Хороший журнал, – смущенно улыбаюсь.

– Да, а главное, полезный.

Я поглядела на его серьезное лицо и чуть не прыснула со смеха.

Потом я уговорила его выпить по баночке коктейля. Уговорила, потому что у этого мальчика исключительно “зачистомонетное” отношение к предписаниям морали. Спровоцировать

его не так-то просто. Я добилаь от него разрешения вскружить его юную голову сладким хмелем лишь с третьей попытки.

До концерта оставалось две-три минуты. Зал был полон любопытных глаз, которые показывали меня со всех сторон, пока мы с Алешкой пробирались к выходу. Потом я игриво предложила не возвращаться назад (под прицелы взглядов). Он был заинтригован:

– Где же мы с вами будем коктейлить?

Я с загадочной улыбкой веду его за руку к своей машине. Он еще не знает, что у меня есть машина, и я полагаю, что это понравится подростку. Однако он без должного удивления забирается на сиденье рядом.

– Ты знал, что я вожу машину? – вместо него удивляюсь я.

– Знал. Я вас видел.

– Где?

– О-о-о, – загадочно протягивает он, – вы еще не знаете, где я бываю и вижу вас в то время, как вы не видите меня.

Я включаю медленную, на мой взгляд, весьма недурную музыку. Алешка пытается ее критиковать. Упрек касался, кажется, бедности музыкальной палитры (нет, он выразился гораздо многословней). Мне в свое время и в голову не приходило подвергать критике то, что окружает взрослых. Нет, Алешка не бестактен, не зол. Просто он открыт и смел.

Я часто рисовала этот момент в своих фантазиях. Мне казалось, что Он будет скрытен, неуловим для меня и даже как-то болезненно таинственен. А наяву оказалось все иначе. Он разговорчив, причем не ради самого разговора, а ради мысли, которую ему непременно хочется передать. Он все анализирует почти так же, как и я. Он честен. Когда я сказала ему об этом, он счел нужным возразить. Видите ли, ему иногда приходилось говорить неправду. Скажите на милость, какая самокритика. Итак, хвала на него отрицательно не действует.

Мы с интересом вслушивались друг в друга, открывали друг друга. Вопреки моим предположениям собеседник вел себя в лучшей степени раскованно. Требующих заполнения пауз в нашем разговоре не возникало. Он был немного другим по сравнению с образом, что жил в моем представлении все это время. Немного другим или более открывшимся мне. Есть ли будущее у наших странных чувств? И нужно ли оно мне и ему? Я не хочу ответов. Жизнь – это каждый миг настоящего. И эти мгновения сравнимы с сочными сладкими плодами, сорванными с дерева счастья.

Я призналась ему в том, что приехала ради него. Обстановка и разговор, сблизивший нас, расположили меня к этому признанию. Мой мальчик ответил, придав голосу как можно больше серьезности, что в этом ничего особенного нет. Да, он так сказал, но я поняла смысл сказанного. Так он прикрыл мою слабинку с целью меня защитить.

Еще он честно признался, что ему с девушками не везет, разве что единственный раз, когда ему удалось потанцевать с прекрасной незнакомкой. И не успела я среагировать на его то ли жалобу, то ли самокритичность, как он тут же посвятил меня в то, что другой на его месте непременно бы скрыл. Если бы он попытался пригласить ее как другие, она отказала бы ему. Но девушка вдруг подошла сама и заказала любимую песню. В тот момент Алешка и решился выпросить у нее ответную услугу. Я была поражена его честностью, странным образом смешанной с оттенками авантюризма. Потом он столь же честно отверг мое предположение о его лидерстве, сказав, что эта роль принадлежит какому-то Павлику. У Павлика много красивой одежды, а для небольшого поселка – это весьма значимый факт. Я немедленно заверила драгоценного Алешку, что его достоинства несравненно ценнее любого гардероба.

На концерт мы явились уже перед самым концом, веселые и не реагирующие на подозрительные взгляды. Он сел рядышком, часто наклонялся ко мне совсем близко, чтобы что-нибудь прошептать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.